

УДК 81-23

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«ЧАСТИ РЕЧИ» И «ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»**

Александр Николаевич Федотов

кандидат филологических наук, доцент

lingvist-af@yandex.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения понятий части речи и члены предложения. Например, первоначальное двойное понимание наречия как обстоятельство сохраняется в традиционной грамматике и до сей поры. Более того, это понимание распространяется и на другие части речи. Существительное зачастую отождествляется с подлежащим или дополнением, глагол со сказуемым, прилагательное же с определением.

Ключевые слова: части речи, члены предложения, синтаксические категории

Римскими грамматистами части речи понимались, как и их предшественниками греками, так сказать, синкретично и фактически отождествлялись с членами предложения. Самого же учения о членах предложения в то время еще не существовало.

Наиболее ранняя терминология, выработанная античными мыслителями и применявшаяся ими к описанию языка, носила логико-лингвистический характер. Под наименованием λόγος понималось и речь, и мысль, и предложение. Под ὀνομα и ρήμα понималось и части речи (слова), и составные части предложения (синтаксические позиции).

Учение о членах предложения складывалось на протяжении всего Средневековья. В эпоху раннего Средневековья была проведена канонизация античного знания. Одним из наиболее важных событий того времени является перевод Боэцием (ок. 480-524 г.г.) на латынь основных текстов Аристотеля, относящихся к логике, и комментирование его трактатов «Категории» и «Об истолковании», которые послужили основой для создания логических учений в Европе.

Окончательная разработка традиционных синтаксических категорий произошла лишь в позднее Средневековье (13-14 в.в.). Ее начали модисты, а в основном закончили грамматисты 16 в. В этот период времени производились новые, более точные переводы логических трактатов Аристотеля. Европейские ученые более широко и углубленно знакомились с подлинными сочинениями этого древнегреческого мыслителя.

По мнению В.А. Алпатова, начатое модистами создание понятийного аппарата и терминологии синтаксиса завершил Пьер де ля Раме (Рамус). Именно ему принадлежит дожившая до наших дней система членов предложения [3]. Между тем основы современного учения о членах предложения все же были заложены, вопреки мнению В.А. Алпатова, лишь два столетия спустя в грамматических сочинениях французских ученых К. Бюфье, П. Ресто и особенно Г. Жерара. Следует все-таки признать, что учение о членах предложения остается пока весьма спорным и противоречивым. Особенно спорным и

запутанным является вопрос о соотношении понятий члены предложения и части речи.

Например, первоначальное двойное понимание наречия как обстоятельство сохраняется в традиционной грамматике и до сей поры. Более того, это понимание распространяется и на другие части речи. Существительное зачастую отождествляется с подлежащим или дополнением, глагол со сказуемым, прилагательное же с определением. При таком подходе части речи рассматриваются как «морфологизированные» члены предложения. Такого взгляда на части речи в той или иной степени придерживались такие выдающиеся отечественные и зарубежные лингвисты, как А.А. Потебня, А.М. Пешковский, А.И. Смирницкий, И.И. Мещанинов, В.М. Жирмунский, Е. Курилович, Л. Теньер и др.

А.А. Потебня, возражая против логического толкования предложения и его членов, по существу, превратил части речи в члены предложения. «Существенный признак предложения в наших языках, – отмечает он, – состоит в том, что в предложение входят части речи; а если их нет, то нет и нашего предложения» [6]. В результате части речи в его концепции стали фактически излишними.

Обстоятельством для А.А. Потебни может быть только наречие. «Как личный глагол, – пишет он, – есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого; так и обстоятельству присвоена особая форма – наречие» [6].

По мнению А.М. Пешковского, части речи выработались в языке как члены предложения, и не могут быть оторваны от тех синтаксических форм, которые характерны для них. Части речи рассматриваются А.М. Пешковским как застывшие члены предложения, выкристаллизовавшиеся в определенные формы [5].

«Само существование той или иной части речи, – полагает А.И. Смирницкий, – зиждется на том, что входящие в нее слова регулярно используются в функции определенного члена предложения. Основой для наличия у того или иного слова характерных особенностей данной части речи является регулярное употребление в функции тех членов предложения, содержание которых соответствует общему категориальному значению этого слова как части речи» [7].

Как морфологизированные члены предложения рассматриваются части речи в концепции И.И. Мещанинова. Различие между ними он видит в истории их возникновения [4].

Аналогичное мнение высказывается и В.М. Жирмунским. Например, наречие, считает он, произошло из обстоятельственных слов в результате их морфологизации [2].

Сходного взгляда на части речи придерживается Е. Курилович, согласно которому каждая из частей речи способна выступать в основной и производных синтаксических функциях, т. е. она может быть как морфологизированной, так и неморфологизированной [3].

В вербоцентрической концепции Л. Теньера, вершиной предложения объявляется глагол, которому противопоставляются как зависимые от него подлежащее, дополнение и обстоятельство, именуемые актантами и сирконстантами. (Под актантами и сирконстантами он понимал соответственно существительные и наречия.) [9].

В концепции каждого из упомянутых выше ученых так или иначе прослеживается смешение понятий части речи и члены предложения. Учение о частях речи, безусловно, очень тесно связано с учением о членах предложения. Однако эти два учения никоим образом не должны отождествляться друг с другом. Части речи – это все же не члены предложения. Существительные, глаголы, прилагательные, наречия являются классами слов, а отнюдь не морфологизированными членами предложения. Что касается подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, то это синтаксические

функции, которые может выполнять в принципе любое слово (будь то существительное, глагол, прилагательное или наречие), становясь элементом предложения.

«В предложении, – писал Ф. де Соссюр, – все сводится, во-первых, к субъекту, во-вторых, к предикату и, в-третьих, как я полагаю, к союзу ... Но субъект и предикат не имеют ничего общего с частям речи, которые выделяются на основе иного принципа: – а) очевидно без всяких доказательств, что субъектом может быть существительное, местоимение, прилагательное или числительное. Но также и глагол (инфинитив)... – б) предикатом могут быть также все указанные части речи... Можно вообразить себе язык, в котором прилагательное, становясь субъектом, тут же приобретает особую форму. Это ничего не меняет в логическом порядке вещей. И это объясняет также, почему нет ничего особенного в том, что λέγομεν «(мы) говорим» не может быть субъектом. Достаточно, что им может стать λέγειν «говорить» [8].

Предложение следует рассматривать не как единицу речи или как высказывание, сообщающее о чем-либо, а как речевое произведение, речевую конструкцию, которая почти всякий раз заново строится, что важно подчеркнуть, не из словосочетаний, а из готовых слов по определенной модели. Компоненты структурной модели предложения традиционно называются членами предложения.

Таким образом, для того чтобы избежать извечной путаницы между понятиями части речи и члены предложения целесообразно противопоставлять их друг другу как классы слов компонентам структурной модели предложения.

Список литературы:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л. 1968. С. 7-32.

3. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958.
7. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
8. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
10. Girard G. Les vrais principes de la langue française ou la parole réduite en méthode conformément aux lois de l'usage. Paris, 1747.

UDK 81-23

**ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS
OF «PARTS OF SPEECH» AND «MEMBERS OF A SENTENCE»**

Alexander N. Fedotov

Candidate of Philology, Associate Professor

lingvist-af@yandex.ru

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Annotation. The article is devoted to the problem of correlation between the concepts of part of speech and members of a sentence. For example, the original double understanding of the adverb as circumstance is preserved in traditional grammar to this day. Moreover, this understanding extends to other parts of speech. The noun is often identified with subject or object, the verb with predicate, and the adjective with attribute.

Key words: parts of speech, sentence members, syntactic categories.